

*О реконструкции языка дунайских болгар
на базе чувашского языка*

Анна Пажимиев (Варшава)

В статье рассматривается этимология имен протоболгарских владетелей Тервела, Севара, Винеха и Савина, встречающихся в Именнике болгарских князей и в других исторических источниках. Этимологические выводы опираются главным образом на общие фонетические, словообразовательные и семантические особенности указанных имен и их лексических соответствий, прежде всего в чувашском языке.

The article offers etymologies for the names of the Proto-Bulgarian rulers Tervel, Sevar, Vinekh and Savin, included in the Name List of Bulgarian Rulers and in other historical documents and sources. The etymological conclusions are mainly based on the general phonetic, word-formative and semantic properties of the names in question and on their lexical correspondences in other languages, above all Chuvash.

Ключевые слова: древнеболгарский язык, чувашский язык, реконструкция, языковая конфронтация

Реконструкция болгарского языка на базе сопоставления его остатков в исторических источниках и заимствований, находящихся в смежных языках, с их соответствиями прежде всего в чувашском, а также в остальных алтайских языках, это одна из основных задач тюркского исторического языковедения. Термин „болгарские языки“ определяет мёртвые языки, принадлежащие к болгарской подгруппе тюркских языков, к которой принадлежат языки дунайских болгар, волжских болгар и хазаров. К этой группе большинство исследователей относит так же язык европейских гуннов и поэтому по поводу болгарский язык часто называют гунно-болгарским. Конечно, это не значит, что в государственных организациях, созданных представителями указанных этносов, болгарский язык был единственным разговорным языком. Прежде всего, принадлежал он правящим племенам и родам, и в связи с этим исполнял роль официального языка, связан-

ного с управлением, с администрацией, проведением войн и в большой степени с обычаями, обрядами и верованиями.

Главная роль в реконструкции болгарских языков принадлежит чувашскому языку, единственному живому представителю болгарской подгруппы тюркских языков, в настоящее время официально языку в Чувашской Республике Российской Федерации. То, что чувашский язык просуществовал так долго и в такие бурные времена, всегда привлекало внимание языковедов – тюркологов и, шире, алтаистов. Коротко говоря, это необыкновенно долгое сохранение языка можно объяснить тем, что после распада Великой (Старой) Булгарии часть болгарских племён двинулась на север и поселилась в Среднем Поволжье, по обе стороны Волги. Булгарский язык в его чувашской форме сохранился в основном среди населения на правом берегу реки, где преобладает лесной, труднодоступный и отдалённый от главных торговых путей ареал.

Другим фактором была общественная организация тогдашнего болгарского населения. Сомнительным кажется часто встречающееся убеждение, что болгары в целом были кочевниками. В каждом большем государстве, организованном алтайцами, кроме кочевников, присутствовало довольно многочисленное оседлое население, в основном земледельцы, скотоводы, лесные собиратели и охотники, обеспечивающие продовольствием элиту, армию, а в тяжёлые моменты и кочевников. К некочующей популяции принадлежали так же те группы населения, задачей которых была охрана границ государства, а прежде всего отдалённых, но стратегически важных пунктов и центров. Если принять во внимание бесспорную сельскохозяйственную традицию чувашей, то можно допустить, что их предки, ещё в Волжской Булгарии, в которой государственным языком был болгарский, занимались в основном земледелием. По причине недоступности и изолированности их поселений, чуваша избежали судьбы проживающего на левом берегу Волги болгарского населения, которое в отношении языка было постепенно ассимилировано кыпчакскими племенами. То, что в XVI веке чуваша приняли православную религию, так же, вероятно, сыграло некоторую роль в сохранении их языка.

Усилия реконструкции мёртвых гунно-булгарских языков, не ссылаясь на специфические черты чувашского языка, не могут дать, по-моему, ожидаемых результатов. Такой подход в сопоставительном исследовании, предоставляет возможность создания изменяющихся во времени и пространстве различных легенд и гипотез, на базе разных комплексов и целей, иногда политических и идеологических, не имеющих ничего общего с наукой. Надо заметить, что чувашский язык довольно хорошо описан также с точки зрения его истории и влияний со стороны других языков. К сожалению, он довольно поздно стал письменным языком (XVIII в.), что создаёт трудности проследить его историческое развитие. Помимо того, что чувашский язык сохранил многие архаические черты, он, несомненно, пережил эволюцию, которая привела к переменам, особенно в области лексики. Ранние остатки, такие как волжские эпитафии (XIII–XIV в.), хотя и дают некоторую информацию, она все же недостаточна для точной реконструкции состояния чувашского языка в указанное время. В особенности это относится к его фонетической системе, на уникальности которой уже давно сосредоточено внимание тюркологов. Несмотря на отсутствие доста-

точной информации, исследования чувашского языка на соответственном этапе, проводятся далее, притом не только в Чувашии. Это даёт большую дозу уверенности, что касается выводов, сделанных на базе сопоставления болгарских языковых остатков с их соответствиями в чувашском языке. В этом процессе языковеды правильно ссылаются на остальные алтайские языки. Интенсивные языковые контакты, возникшие в связи с частыми объединениями и рассоединениями разных алтайских племён стали причиной многочисленного количества лексических заимствований во всех алтайских языках. Давние контакты с другими языками, такими как китайские и иранские, также учитываются во внимание в сравнительно исторических исследованиях.

На основании предоставленного методологического подхода в настоящей статье будет предложено несколько этимологических выводов имён правителей дунайских болгар, встречающихся в исторических источниках, в основном в Именнике болгарских князей. Как известно, этимологии имён собственных, особенно касающиеся мёртвых языков, имеют гипотетический характер. Имена дунайских правителей дошли до нас через посредство нескольких языков: прежде всего греческого, латыни, старославянского, староболгарского; каждый из них имеет свои ограниченные возможности точной записи фонетического содержания иноязычных лексем, терминов и имён. Часто исторические тексты являются переводами одного из этих языков на другой, причём в отдалённом от момента наблюдения времени. Графическая адаптация также является последствием слухового приема со стороны записывающего, для которого болгарский язык был чужим языком. Именно поэтому тяжело воссоздать точное звучание этимона болгарского слова, записанного в имеющихся текстах. Достоверная реконструкция их произношения, особенно в отношении гласных, иногда исключительно трудна. Прийти к заключению, что, например, гласный *e*, находящийся в данном имени, был лабиализованным или нелабиализованным, редуцированным или нередуцированным, кратким или долгим довольно рискованно. В зависимости от его позиции и от характера соседних звуков можно иногда формулировать предположения, но не всегда это даёт ожидаемые результаты.

Если говорить о достоверности самого болгарского происхождения исследуемых имён, то здесь можно иметь большую уверенность, благодаря специфическим признакам чувашского консонантизма, отличающим его от других тюркских языков. Сопоставление с соответствиями в тюркских и остальных алтайских языках тоже облегчает семантическую реконструкцию.

Тервель ТЕРВЕЛЬ

Тервель 695–714 (Москов 1988: 240–253) – это имя второго после Аспаруха правителя дунайских болгар, в других исторических источниках записан как: ТЕРВЕЛЬ, Τέρβελις, Τέρβελλις Terbelis, Terebellis (Моравчик 1958: 306), Trvel (арм.) (Златарски 1918: 162).

Первым этимологическим выводом (о более ранних см. Симеонов 2008: 159), который можно было бы частично принять, является вывод, предложенный Хауссигом. Его реконструкция имени Тервель следующая: **törä bilış < törä*

'Fürst', 'Prinz' 'князь' + *bil-* 'знать' + *-iŝ* аффикс, образующий отглагольные имена существительные; семантическая реконструкция: 'князь мудрости' (Хауссиг 1958: 27). Как Прицак, так и Симеонов принимают эту этимологию (Симеонов 2008: 160). Вывод опирается на предпосылку, что надлежащее произношение имени передаёт запись по латыни Terbelis, в которой согласный второго слога произносится как *b*, а не *v*. Это значит, что греческая буква бета (*β*) передавала согласный *b* в те времена, когда создавался греческий оригинал Именника, с которого был сделан перевод на старославянский. С этим нельзя до конца согласиться. Во первых, что мы не знаем, когда точно создан греческий оригинал. Учитывая, что последняя дата, отмеченная в Именнике, 760 г., можно сделать вывод, что, по всей вероятности он создан не раньше конца VIII века. Считается, что в то время *бета* произносилась уже как *v*. Автор, принимая, что произношение *беты* было еще *b*, читает второй слог как *bel* вместо *vel*, и выводит этот слог от тюркского глагола *bil-* 'знать'; произношение *-v-* не даёт возможности такого вывода. Если говорить о латинской записи Terbelis, то является она скорее транслитерацией, чем транскрипцией греческой записи. Маловероятным кажется и то, что греческое окончание *-iŝ* является тюркским аффиксом, образующим отглагольные имена существительные, поскольку славянский перевод его не учитывает. По этой причине этимологию Хауссига нельзя принять в целом. Зато по отношению к первому слогу его предположение не только возможно, но и убедительно. В чувашском языке имеется слово, которое определяется как архаическое, а именно: *tür(e)* 'судья', 'чиновник', 'начальник', зафиксированное также в древнетюркском: *törä*, *törü* 'порядок, правило, закон'; 'обычай, обряд'; 'свадебный пир'; религ. 'первозлемент, носитель бытия' (ДТС, 581); имеется оно и в остальных алтайских языках.

Тюркские

türä, 'начальник, чиновник, сановник' (тат., башк.)

törä 'титул ханских сыновей и в особенности наследника престола, что соответствует персидскому *мирза* (Будагов 1869–1871: 390) 'принц' (тур., чаг., уйг.); 'исправник, начальник округа или города' (шор.); 'дворянин', 'султан', 'потомок Аблай-хана' (кирг.)

törü, 'решение князя, власть князя', 'правительство, правительственная власть', 'законное решение' (уйг.)

Монгольский и тунгусско-маньчжурский

törü, *töre* 'закон, установление', 'правление', 'держава', 'династия' (Лесинг 1960: 835), *tore* (ср. монг.)

tör, 'строй', 'режим', (монг.); *türe* (буг.); *törä* (калм.); *turō* (монгол.)
doro(n), 'закон' (тунг.-ма.)

Финно-угорские заимствования:

töra, 'начальник', 'господин' (мар.)

törvény 'закон' (венг.)

töro, (ист.) 'старшина, староста'; этн. 'тысяцкий, вожд, вожак, старейшина' (удм.)

А. Дыбо считает, что этот термин происходит от китайского слова со значением 'стремящийся к справедливости' (Дыбо 2007: 195).

Если говорить о втором слоге имени *Тервель*, предлагаю рассмотреть чувашскую форму тюркского слова *oğul*, а именно *iväl* или *iväl*, *äväl*¹ (Ашмарин) 'сын'. Его другие значения в тюркских языках – это: 'мальчик' (ДТС), 'внук', 'детеныш', 'рой пчел', 'детва (пчел)', 'младший деверь', 'двоюродный брат мужа' (ЭСТЯ: 414–417). В славянских языках выступает как заимствование: *oğlan* > *уланъ* 'член ханской семьи', 'лицо княжеского рода' (др.-русс.), *ulan* 'улан' (пол., русск.)

Реконструкция. Согласно этой интерпретации имя Тервель – это словосочетание (изафет), в состав которого входят два существительных. Его транспозиция в чувашском языке: *tür(ê) ivälě* 'сын князя'.

1. *tür(e) ~ *tör(e) > ter:*

– **Гласный *ü*.** Во всех записях имени Тервель встречается *e*, из чего можно сделать вывод, что его произношение в этимоне было скорее *ö*, а не *ü*. В большинстве цитированных алтайских соответствий имеется гласный *ö*. Такое произношение не чуждо так же чувашскому языку, в котором округленный гласный *ö* выступает как диалектное соответствие гласного *ü* (сундырский говор верхнего диалекта), что позволяет реконструировать как **tör(e)*.

2. *ivälě (ivälě, ävälě) ~ vel*

– **Гласный *i* или *ä*.** Элизия начального гласного указывает на редуцированный гласный *i* или *ä*, который оказался в середине сложного слова, образованного на базе словосочетания (изафета). В чувашском языке эти гласные часто поддаются элизии в результате хиатуса, стремления к закрытию слога или стремления к сокращению слова.

– **Согласный *-v-*.** Переход фрикативного пратюркского *g > v* в интервокальной позиции – это частое явление в чувашском языке.

– **Гласный *ä*.** В записях выступает как *-e-*, что не соответствует чувашским формам. В тюркских языках в этой позиции выступают не только лабиализованные гласные *o, u* (*ogul*), но также нелабиализованные: *i, ä*: *ogil* (узб.), *owil* (тат. диал.), *ogil* (хак.) *ogal* (уйг.), *uwil* (nog.) (ЭСТЯ 1974: 414–415). Этим гласным в современном чувашском языке часто соответствует редуцированный гласный *ä*: *toprak* (тур.) ~ *täpra* (чув.) 'земля', *kurum* (тур.) ~ *xäräm* (чув.) 'сажа'. Из этого следует, что в болгарском этимоне возможно наличие нелабиализованного гласного. Особенно важным является здесь соответствие в татарском языке, который принадлежит, как известно, к кыпчакско-болгарской подгруппе тюркских языков. Палатальный гласный в первом слоге (*tör*) так же оправдывает произношение этого гласного как *e* (закон сингармонизма).

– **Гласный *-ě*.** Этот исходный редуцированный гласный является аффиксом принадлежности 3 лица ед. и мн. числа, выступающим после согласного, образующим так называемый второй изафет². Отсутствие отчётливого следа по *ě* в исторических записях можно объяснить на базе чувашского языка, в котором в номинативе этот гласный не произносится, но о его присутствии сигнализирует палатализация предшествующего согласного (Пажимиев 2000: 45). В славянской

¹ Буквы *ä, ě, i* передают редуцированные чувашские гласные.

² Например, *vrač arämě* 'супруга' (*aräm*) врача' (*vrač*).

записи обозначается редуцированным согласным *ь*. В греческих и латинских записях нет свидетельства об этом гласном. Однако, не исключено, что гемината *λλ* в *Τέρβελλς* это компенсация элизии *-ѣ*.

Заключительная реконструкция имени Тервель это **törvel* 'сын князя'

Подтверждение этой этимологии мы находим в древнетюркской антропонимической традиции, которая характеризуется тем, что имена часто связывались с происхождением с именем отца, рода, племени, а также с позицией, которую данная особа занимает в большей или меньшей общественной группе.

На основании предложенной этимологии можно позволить себе сделать некоторые выводы, выходящие за рамки сопоставительного языковедения.

Выводы

1. Аспарух, отец Тервеля, не имел титула *хан* (тюрк. *kan*), имеющего долгую традицию в болгарской историографии и довольно сильно укрепившегося в сознании болгар. Его титулом был *tör(e)* 'князь', 'начальник округа', что соответствует исторической ситуации после распада Великой Булгарии.

2. Паисий Хилендарский в своей „Истории славяноболгарской“ употребляет имя Тервель в двух формах: крал свети Тривелия; крал Тербал, син на Тривелий; крал Мойсей, син на Тривелий (Москов 1988: 259)³. Историки предполагают, что Отец Паисий имел в своём распоряжении исторические тексты, которые не сохранились до нашего времени и в которых выступала разница в записи имени. Можно еще допустить, что Аспарух имел больше одного сына. На это указывает Мудрак, объясняя слово *твиремь* в Именнике; оно относится к неизвестным наследникам (неизвестному наследнику) Тервеля: „Твиремь значит „второй“, в данном случае „Тервель второй“. Объясняет, что „чув. *těberēm* 'другой, второй', это слово сконтаминированное с *bir* 'один'“ (Мудрак 2005: 95, 98).

3. Тервелю был признан византийский титул *kesar*. Сделал это Юстиниан II в знак благодарности за оказанную ему со стороны Тервеля помощь, сыгравшую решающую роль для его возвращения на трон. По византийским правам этим титулом могли удостоить наследника престола или заслуженного члена императорского рода, прежде всего такого, который проявил себя на поле битвы. Но болгарский правитель Тервель не был из императорского рода, даже если Юстиниан II исполнил своё обещание и дал ему в жёны свою дочь. В этой ситуации можно задать себе вопрос: не сыграло ли какую-то роль в признании титула *kesara* значение родимого титула Тервеля „сын князя“? Юстиниан II уже побывал в Херсоне у хазарского хагана, где взял себе в жены его сестру. Из этого можно сделать вывод, что ни язык, ни обычаи правителей круга, к которому принадлежали болгары и хазары, не были для него чужими.

Севарь СЕВАРЪ

Севар 721–737 (Москов 1988: 283, 287) – был последним болгарским правителем из рода Дуло, указанным в Именнике. Его имя было записано только в этом источнике и не упоминается ни в каком другом. До сих пор известные мне

³ Король св. Тривелия, король Тербал, сын Тривелия; король Мойсей, сын Тривелия.

этимологии чаще всего относились к турецкому глаголу *sev-* 'любить' (Симеонов 2008: 161–162) > *sevär* 'любимый', 'любящий' (ДТС). Первое сомнение, которое возникает в связи с этим выводом, связано с тем, что он не соответствует тюркской исторической антропонимии. Даже в том случае, когда имеются сведения о том, что кто-то из потомков правителя был особенно любим или не любим отцом или окружающими, то его имя обычно ничего об этом не говорит.

Между Севаром и Тервелем существует период, в котором мы не знаем, кто был главой государства. Москов (с. 253) считает, что в то время было два правителя. Можно допустить, что были они близкими родственниками (братья, сыновья) Тервеля, поскольку в Именнике отмечено, что оба происходили из рода Дуло. Наследник Севара Кормисош был уже из рода Вокил, а это значит, что наступила смена династии. Можно допустить, что Севар был несовершеннолетним, когда был назначен наследником трона. Это могло бы объяснить, почему исторические источники обошли молчанием имена двух его предшественников, которые могли быть совладельцами или кем-то вроде регентов (Бешевлиев 1981: 45–50). Нужно сразу сказать, что это только предположение, возникшее на базе этимологии имени Севар.

Реконструкция. За основу этимологического вывода послужит чувашское слово *šävär* 'детеныш', общетюркским соответствием которого является *javru* 'дитя', 'детеныш' (ЭСТЯ 1989: 53), осм. ياورو 'молодое животное', 'птенец' (R. III, 18); 'the young (of an animal or bird)' 'one's child', affectionate term for any child' (Redhouse 1974: 1247); *javru* 'младенец', 'дитя' (тур.), *jävrii* 'детеныш у птиц' (крым.), *sägär* 'милый, любезный (ласковое обращение к мальчику и девочке)'; 'голубчик' (як., вероятно заимствование). Его праалтайское соответствие **debr* 'young (of birds or animals)' в остальных алтайских языках следующее: **debere-n* (птунг.), **deyü* (пмонг.), **jabri* (птюрк.) (EDAL 2003: 467). Относительно монгольского лексикального гнезда отмечено значение 'younger sibling (младший брат или сестра)', которое нужно учитывать в нашем случае точно также, как значение 'сын' в маньчжурском (ССТМЯ 1975: 239).

– **Согласный *š*.** Проводить сопоставление *šävär* – *javru* позволяет нам то, что тюркской начальной сонанте *j-*, выступающей в большинстве тюркских языков, в чувашском языке соответствует палатальный согласный *š-*. Это соответствие не появилось после XIII–XIV в., как считалось до недавнего времени, поскольку присутствует в реликвиях ещё с гуннских времён (Пажимиев 2010: 149–159). Свидетельства о раннем появлении этой альтернативы предлагает якутский язык. По мнению Клаусона, якутский и чувашский языки происходят из общего корня, но контакты между говорящими на этих языках прекратились не позднее V века (Клаусон 1962: 215). Независимо от того, согласны ли мы с тем, что эти языки действительно происходят из одного корня, фактом остаётся то, что контакты между ними были очень близкими. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры в якутской лексике, имеющие фонетические признаки, которые мы находим только в чувашском языке. Одним из них является именно альтернатива *j > š* в анлауте, с той разницей, что в якутском языке чувашский палатальный апикальный *š* соответствует твёрдому *s*, считающемуся первоначальным. В связи с этим возникает вопрос, касающийся точного звучания согласного в на-

шем случае, то-есть, было ли оно таким же, как в современном чувашском языке (*ś*), или же таким, каким осталось в якутском (*s*)? Языки, в которых было отмечено имя Севар, как, например, греческий, который не сохранился, так и старославянский, не имеют буквы, передающей чувашский палатальный апикальный согласный *ś*.

– **Гласный *ä***. В первом слоге имени находится передний гласный *e*, что могло бы указывать на то, что его палатализация наступила под влиянием предшествующего палатального согласного *ś*. Это может быть каким-то указателем, но среди тюркских соответствий находится крымско-татарское слово *jäwrii*, так же с палатальным звучанием, как и в якутском *sägär*. В связи с этим, палатализацию **ś-* нельзя признать убедительным объяснением. Более правдоподобным будет предположение, что в этимоне находился редуцированный гласный, который был воспринят и записан как *e*.

– **Согласный *-v-***. В интервокальной позиции пратюркское **b* (**jabri*) в некоторых тюркских языках, в том числе и в чувашском, переходит в *-v-*. В слове *śävär* действительно **b* находится между двумя гласными, но в остальных тюркских языках – между гласным и сонантом *r* (*javru*). Однако, имея ввиду особенность спиранта *r*, можем принять переход **-b- > -v-* в соседстве *r* как регулярный (СИГТЯ 1984: 361)

– **Гласный *-ä-*** во втором слоге (*-vär*) является результатом метатезы *rī > ir: *jabri > *jabir > śävär*.

Отнесение названий, обозначающих молодое животное или птицу, к человеку, а тем более к правителю государства, требует объяснения. С тюркологической точки зрения, явление это не возбуждает сомнений. В случае слова *ogul*, имеется похожее двойное значение, относящееся как к людям, так и к животным. Это связано с широким присутствием в тюркской антропонимии так называемых зоонимических имён, то есть отнесение к людям имён, которые одновременно являются названиями животных, например таких, как лев, гиена, волк и многих других, притом независимо от общественного статуса называемой особы. Из этого можно сделать вывод, что слово *śävär* могло обозначать в болгарском языке, как и в монгольском, 'младший брат', 'младший сын' или вообще младшего ребёнка в семье. Позиция в семье или в роду зависит: во-первых, от степени родства со старейшиной рода и, во-вторых, от возраста. По этой причине, слова, которые определяют родовую позицию человека и его возраст, часто употребляются как собственные имена. В этом чувашский язык не отличается от остальных тюркских языков (Семенова 2010: 206).

Вихтоунъ ВНХТОУНЪ

В предложении, которое касается Кормисоша (737–754), читаем: „...снн же кѣназь нѣмѣнн родъ доуловъ рекъше внхтоунъ“, которое в переводе Москова: „...този княз измени рода Дулов, сиреч Вихтунъ“ (Москов 1988: 49). Реконструкция Прицака: „*bək (~mək) -tuən*, also **bəktun ~ *biktun*“ (Прицак 1955: 64). Он считает, что бета в греческом оригинале передает согласный *b*, поскольку начальный протетический согласный *v-* не мог существовать в гунно-алтайских

языках во времена создания Именника. (Прицак 1955: 19). Так как было отмечено выше нельзя принять, что, во-первых, в конце VIII в. бета не передавала согласного *v*- и, во-вторых, что этот же согласный не существовал в гунно-булгарском языке.

– **Протеза *v*-**. Протетический спирант *v*- является одним из признаков, отличающих чувашский язык от остальных тюркских языков. Не исключено, что существовал он ещё в гуннские времена. Йордан информирует, что гунны называют реку Днепр *Var*. Прицак, на основании ротацизма (*r* ~ *z*), связывает это название с чувашским словом *var* 'овраг', 'ложбина' (Прицак 1954: 124–135), общетюркским соответствием которого является *öz* 'долина', 'проход между горами' (ДТС 395) и походное *özek* (аффикс *-akl-ek* с уменьшительным значением), а так же *özen* 'река', 'русло'. Ашмарин, Альтхаим и другие принимают, что *var* это хунно-булгарское слово, зато Дерфер (1986: 88) не исключает, что оно может быть анахронизмом, оставшимся после какого-то другого языка, присутствующего раньше на этой территории. Конечно, это возможно, но нет никаких доказательств этого предположения. В балканской топонимии слово *var* встречается как компонент названия рек, например, Вардар (Македония), Варна (Болгария). На Крыме Варнутка – это старое название ручья Сухая речка, левого притока реки Черной.

И ещё следующие два примера, подтверждающие выступление протезы *v*- в языке дунайских булгар (Мудрак 2005: 98):

верени 'змея' ~ *vären* (чув. фольк.), **ögren* ~ **örken* 'веревка' (тюрк.)

вичемь ~ *visem* (чув.) ~ *üčün*(*čü*) (тур.) ~ *üčün*(*č*) (тюрк..) 'третий' < *üč* 'три'.

Здесь мы имеем дело с протетическим *v*- перед лабиализованным гласным *ö*, *ü*, которые правильно соответствуют чувашскому *i*.

Некоторые записи в волжских эпитафиях указывают на выступление протезы *-v*, например: *وطر* 'тридцать' ~ *اوتوز*, *اوتوز* (осм.) ~ *otuz* (тюрк.) ~ *vätär* (чув.).

Реконструкция. Вихтун состоит из двух компонентов: *vix i tun*, образующих словосочетание. Соответствием *vix* в чувашском языке является слово *jăx* 'род' принадлежащее к алтайскому лексическому гнезду, охватывающему древнетюркское *uq*⁴ 'род', 'происхождение', 'порода', 'потомство', 'имя'; *üqim-tüqim* (ü редуцированное в тат., башк. и каз.) 'потомки', 'родственники' (ЭСТЯ 1974: 582); *uy* 'происхождение', 'корень', 'родословная, предки', *uysayă* 'происхождение', 'потомство', 'потомок', 'род' (монг.); *uqsun* 'род, потомство (одного родоначальника)', (ист.) 'потомок (царствующей династии – в отличие от прочих носящий желтый пояс)', *ixe* 'единство, согласие' (ма.) (EDAL 2003: 1449). Слово *jăx* содержит протетическое *j*, выступающее перед нелабиализованными гласными *a*, *ä*, *e*, *ë*, *i*, *ï*. Зато протеза *v*- появляется перед лабиализованными гласными *u*, *ü*, *o*, *ö*, *ä*, *ê*. Это значит, что в дунайско-булгарском этимоне имеется лабиализованный гласный.

1. *vix* ~ *uq* ~ *jăx*

– **Гласный *-i*-**. Передний гласный *i* в *vix* не исключает общего происхождения со словом *uq*. Когда имеем дело с протезой *v*-, наблюдаем переход гласного заднего ряда в гласный переднего ряда: *uč* (тюрк.) ~ *věč* (чув.) 'конец', *uč*-

⁴ Тюрк. *u* ~ чув. *ä*: *kurum* ~ *xäräm* 'сажа'.

(тюрк.) ~ *věš-* (чув.) 'лететь', *иџа* (тюрк.) ~ *věče* (чув.). Здесь именно имеем такой случай: **uq* > **věx*. Передача гласного *ě* как *i* в греческом письме и позже в славянском (**věx* > *vix*) вполне возможна.

Нужно обратить внимание на то, что палатальный вариант **iix* в большой степени гипотетическое предположение и нуждается в дальнейших поисках. На существование такого палатального варианта указывает только маньчжурское слово *ихе*. Ответ на вопрос, какую связь может иметь маньчжурский язык с болгарским, даёт Хелимский, утверждая, что „Доминирующим языком аварского каганата во второй половине VI в. или даже единственным языком его правителей был язык тунгусо-маньчжурской группы“ (Хелимский 2000: 135–148). Такое суждение по отношению к аварскому языку это новость. Аварский довольно долгое время большинство исследователей считало языком, принадлежащим к монгольской группе. Помимо того, что гипотеза Хелимского не доказана вполне, то все-таки надо допустить присутствие маньчжурского языка в аварском каганате. В результате, известные нам аварско-болгарские контакты позволяют принять обоюдное аварско-болгарское языковое влияние. Возвращаясь к реконструкции **iix* > *vix*, нужно выяснить, что переход *i* > *i* после протезы *v-* это частое явление в чувашском языке: *vit-* (чув.) ~ *iit-* (тюрк.), *vitěmlě* (чув.) ~ *ötümlü* (тюрк.), *viś* (чув.) ~ *išč* (тюрк.) (Федотов 1996).

– **Согласный -х.** Переход *k* > *x* соответствует специфике чувашского языка.

2. *tuně*

Вероятно имеем дело с болгарским соответствием праалтайского **túŋi* > **duŋ* 'сверстник, ровесник' (тунг.), **diiŋir* 'свойственник' (тюрк.), **túmà* 'супруг, супруга' (яп.) (EDAL 1386) + аффикс *-ě* (см. стр. 6)

Семантическая реконструкция слова *vixtun* это 'родня (царствующей династии) по женской линии'. Перевод предложения, в котором находится слово, это: „Тот князь занял место рода Дуло, как родня по женской линии“. Следовательно лексема *вихтунь* не является родовым названием, как это часто считается, а определением рода Вокил.

Винехъ ВННѢХЪ

Винех 754–760 (Москов 1988: 307), так же как Севар, известен только с Именника. Был наследником Кормисоша, принадлежал к роду Укил, который исследователи идентифицируют с родом Вокил, от которого происходит Кормисош. Винех был отстранён от трона и убит.

Реконструкция. Принимая, что протеза *v-* выступала в болгарском языке, пробуем вывести этимологию имени Винех из тюркского лексического гнезда *öŋö* 'другой, иной', 'различный', 'чужой' (ЭСТЯ 1974: 537–538), *öŋi*, *öŋiki* 'другой' *öŋi* 'имя собственное' (ДТС 1961: 386–387). В остальных тюркских языках имеются следующие фонетические варианты: *öŋge* (кар.), *onge* (кум. диал.), *onga* (кар. к.), *iŋge*, *iŋkä* (тат. диал.), *eŋge* (кар. кал.) < **öŋi* (EDAL 2003: 1162).

– **Гласный i.** О переходе *ö* > *i* см. выше.

– **Согласный *η***. Соответствие **η ~ n* это регулярное явление в чувашском, выступающее и в некоторых тюркских языках стандартного типа. (ЭСТЯ 1974: 530–531).

– **Слог *-ex***. Аффикс чувашский *-kal-ke*, „от имен с адъективным значением образует также адъективы“ (Левитская 1976: 144), после изменения слогового состава, вызванного протезой *-v*, принял форму *-ex*. Однако нет уверенности в том, что здесь был именно этот аффикс, поскольку согласный *k/x* – частый элемент тюркского словообразования. (Левитская 1976: 143–144)

Семантическая реконструкция имени Винех однозначна: 'иной', 'чужой', 'другого рода'.

Вывод. Можно допустить, что Винех, происходивший из рода Укил, воспринимался как чужой. Только мы не знаем, для кого он был чужим. Быть может для рода Дуло, но ведь он не был первым правителем, который не принадлежал к этому роду. Кормисош, предшественник Винеха, тоже не принадлежал к роду Дуло. Можно задать вопрос: не были ли роды Вокил и Укил разными родами – один породненный с Дуло, другой, не связанный с ним ни по мужской, ни по женской линии? Но пока что на этот вопрос ответа нет. Поскольку историки считают, что хронологический порядок в этом месте Именника был нарушен, то я надеюсь, что предлагаемая этимология поможет выяснить некоторые аспекты, связанные с этой проблемой.

Савин, Сивин (Σαβτινος, Σηβτιν)

Савин 763–765 (Москов 1988: 325) был во главе государства только 2 года после убийства Телеца. Сам отказался от власти, спасаясь бегством в Византию. Его имя не отмечено в Именнике. Феофан и Никифор сообщают, что Σαβτινος был зятем Кормисоша (737–741). В тексте, сохраненном на наружной стороне дна серебряной чаши, найденной в гробнице в Преславе, читаем: Κό[υρ]ιε βο[ή]θη Σηβτιν ξουλανος μεγας ης Βουλγαρηα „Господи, помогни + Сивин велик жупан в Булгария“ (Миятев 1965: 50–51). На основании этой инскрипции Бешевлиев делает вывод, что Феофан и Никифор ошибочно передали это имя как Savin вместо Sivin (Бешевлиев 1981: 56, 135).

Реконструкция. Информация Феофана и Никифора, что Савин был зятем Кормисоша, важная, поскольку позволяет сопоставить имя Савин с древнетюркским словом *jegän/jegin* 'племянник, братанок, внук', 'породнённый', 'зять', имя собственное, титул (ДТС 1961), которое тоже является общетюркским – *jegen, jagan, jigen*, в том же самом значении (ЭСТЯ 1989: 166, EDAL 2003: 1014) Его якутское соответствие *siän* 'братанчищ, роднич (родившийся от родителей двух разных племен)', 'потомство по женской линии', 'родство по замужеству' (Пекарский) является здесь важным аргументом.

– **Согласный *s-***. Об альтернации *j > s* в чувашском языке и *j > s* в якутском языке см. выше.

– **Гласный *a/e***. Разница между двумя именами в обеих записях ограничивается к гласным в первом слого (Sivin/Savin). Это недостаточный повод для принятия их разного происхождения, поскольку такое расхождение выступает в са-

мих тюркских языках *jegen, jagan, jigen, siän*. Можно поставить вопрос, не было ли разным произношение в самом болгарском языке?

– **Согласный v.** Переход пратюркского согласного *g* (*jegän*) в *v* (*Sivin/Savin*) в интервокальной позиции является регулярным фонетическим изменением в чувашском языке (см. выше). В якутском варианте выпадение *g* также является регулярным изменением.

Семантическая реконструкция не создает трудностей, поскольку известно, что Савин был зятем Кормисоша. Праалтайская реконструкция **ñiōegè* в отдельных группах выглядит следующим образом: тунг. **ñōg*, монг. **žeye*, тур. **jegin* и яп. **mikuû*. (EDAL 2003: 1014). Интересно, что значение, которое оценивается Феофаном как наиболее точное, содержится в японском соответствии, а именно 'зять, жених', а среди тюркских языков в чагатайском *jäkän* (بيكان ييكن) 'зять, молодой муж' (Радлов III: 317). Это свидетельствует о его тюркском происхождении, исключая в равной мере как балкано-римское (Златарски 1918: 216) так и иранское (Бешевлиев 1979: 235–236).

Вывод. Нет доказательств, что эти два имени относятся к одной и той же личности, а точнее, к болгарскому правителю. То, что его имя не было отмечено в Именнике, позволяет судить, что не происходил он из господствующего рода. Титул на чаше *ξουτανος μευας* указывает на высокую должность, которую занимала особа по имени Сивин. Историки не связывают этого Сивина с инскрипцией на чаше, т. е. с зятем Кормисоша Савином. Скорее ставят вопрос: текст на чаше относится ко времени до принятия христианства (Тотев 1964: 5–17), или после принятия (Михайлов 1996: 87–91). Т. Славова склонна относить датирование ко времени принятия христианства (Славова 2010: 92). Т. Тотев считает, что возможна более ранняя дата, то есть перед тем как болгары приняли крещение.

В заключение нужно отметить, что выше представленные болгарско-чувашские лексические параллели подтверждают тесную генетическую связь между языками дунайских болгар и чувашским, а также их общую принадлежность к болгарской подгруппе тюркских языков. Такой вывод не является новостью в тюркологическом языковедении, но его подтверждение необходимо, поскольку в последнее время эта связь часто оспаривается как в отношении языка дунайских болгар, так и волжских. Об обоснованности этого вывода свидетельствуют прежде всего общие болгарско-чувашские лексемы, соответствия которых находим в древнетюркском и в современных тюркских языках стандартного типа. Выводы сделаны на основании таких признаков, как ламбдаизм (*l ~ š*), ротацизм (*r ~ z*), наличие альтернции *j ~ š* в анлауте, частый переход *-g- > -v-*, протеза *v-* и др. Как следует из этимологических выводов, представленных выше, болгарские языковые реликвии не всегда имеют точные соответствия в чувашской лексике; есть и такие случаи, когда их вообще нет, но это считается нормальным и ожидаемым. Даже если предположить, что в VII в. болгарским языком пользовалось большинство племён, находящихся в границах Великой Булгарии, то разобщение дунайских и волжских болгар имело несомненное влияние на дальнейшее развитие их языка. Нужно признать, что неожиданной является скорее прозрачность их общих языковых признаков засвидетельствованных в таком небольшом числе источников.

Выводы, сделанные на основании соответствий в алтайских языках, позволяют удостоверить общее происхождение многих лексических гнезд и дать себе отчёт в том, как огромны контаминационные процессы в алтайской лексике. Впоследствии всех этих сопоставительных подходов, болгарский язык правильно воспринимается как тот недостающий элемент в истории алтайских языков, реконструкция которого может ответить на многие вопросы, связанные с их генезисом и развитием.

Учитывая характерные фонетические особенности чувашского языка, можно добраться до ещё большего количества болгарских остатков и заимствований и в неалтайских языках. Это относится не только к болгарскому или венгерскому, но и к остальным славянским и финно-угорским, которые в разные исторические периоды, бесспорно, имели тесные контакты с гунно-болгарским языком. В этой области сделано немало, но можно ожидать, что обнаружив более обширный лексический материал, мы получим новую, дополнительную информацию о болгарском языке.

Сокращения

<i>алт.</i> – алтайские языки	монгольский	чжурский
<i>арм.</i> – армянский	<i>кум.</i> – кумыкский	<i>тур.</i> – турецкий
<i>башк.</i> – башкирский	<i>ма.</i> – маньчжурский	<i>тюрк.</i> – тюркский
<i>бурят.</i> – бурятский	<i>мар.</i> – марийский	<i>удм.</i> – удмурдский
<i>венг.</i> – венгерский	<i>монг.</i> – монгольский	<i>уз.</i> – узбекский
<i>диал.</i> – диалект, диалектный	<i>монгор.</i> – монгорский	<i>уйг.</i> – уйгурский
<i>др.- русск.</i> – древнерусский	<i>ног.</i> – ногайский	<i>фольк.</i> – фольклорный
<i>ист.</i> – исторический	<i>осм.</i> – османский	<i>хак.</i> – хакасский
<i>к.</i> – крымский	<i>п</i> – пра	<i>чаг.</i> – чагатайский
<i>кар.</i> – караимский	<i>пол.</i> – польский	<i>чув.</i> – чувашский
<i>каз.</i> – казахский	<i>ср.-монг.</i> – среднемон-	<i>шор.</i> – шорский
<i>калм.</i> – калмыцкий	гольский	<i>як.</i> – якутский
<i>кирг.</i> – киргизский	<i>тат.</i> – татарский	<i>яп.</i> – японский
<i>ккал.</i> – каракалпакский	<i>тунг.</i> – тунгусский	
<i>класс. монг.</i> – классический	<i>тунг.-ма.</i> – тунгусо-мань-	

Библиография

- Ашмарин 1929: Н. И. Ашмарин. *Словарь чувашского языка*. Казань – Чебоксары, Народный Комиссариат по просвещению Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики, 1929, 1928–1950.
- Бешевлиев 1979: В. Бешевлиев. *Първобългарски надписи*. София, БАН, 1979.
- Бешевлиев 1981: В. Бешевлиев. *Първобългарите. Бит и култура*. София, Наука и изкуство, 1981.

- Будагов 1869–1871: Л. З. Будагов. *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*. Санкт-Петербург, Типография Императорской Академии Наук, 1869.
- Дёрфер 1986: Г. Дёрфер. О языке гуннов. – В: *Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы*. Москва, Наука, 1986.
- Дыбо 2007: А. В. Дыбо. *Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд*. Москва, Наука, 2007.
- ДТС 1961: *Древнетюркский словарь*. Ленинград, Наука, 1961.
- EDAL 2003: S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Brill, Lejda, 2003.
- Златарски 1918: В. Златарски. *История на българската държава през средните векове. Т. 1. Първо българско царство. Ч. 1. Епоха на хуно-българското надмощие*. София, 1918.
- Клаусон 1962: G. Clauson. *Turkish and Mongolia Studies*. London, The Royal Asiatic Society, 1962.
- Левитская 1976: Л. С. Левитская. *Историческая морфология чувашского языка*. Москва, Наука, 1976.
- Лесинг 1960: F. D. Lessing. *Mongolian-English dictionary*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1960.
- Михайлов 1996: С. Т. Михайлов. За датата на сребърната чаша на Великия жупан Сивин. – *Археология*, 1996, № 2–3.
- Миятев 1965: Кр. Миятев. *Архитектурата в средновековна България*. София, 1965.
- Моравчик 1958: G. Moravcsik. *Byzantinoturcica, I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker – II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen*, Berlin, Academi-Verlag, 1958.
- Москов 1988: М. Москов. *Именник на българските ханове (Ново тълкуване)*. София, Д-р Петър Берон, 1988.
- Мудрак 2005: О. А. Мудрак. *Заметки о языке и культуре дунайских болгар*. – В: *Аспекты компаративистики*, вып. 1, Москва 2005, РГГУ, 83–106.
- Пажимиес 2000: A. Parzymies. *Język czuwaski*. Warszawa, Wydawnictwo Akademickie Dialog, 2000.
- Пажимиес 2008: A. Parzymies. O metodologii badań nad historią języków altajskich. – In: *Posłuchaj fletu trzciniowego*. Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2008, 213–237.
- Пажимиес 2010: A. Parzymies. *O nagłosowym ś w języku protobułgarskim – Od Anatolii po Syberię. Świat turecki w oczach badaczy*, Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010, 149–157.
- Пекарский 1917–1930: Э. К. Пекарский. *Словарь якутского языка*, Петроград, Типография Императорской Академии Наук, 1917–1930.
- Прицак 1954: O. Pritsak. Ein hunnisches Word. – In: *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Band 104, Heft 1, Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1954, 124–135.
- Прицак 1955: O. Pritsak. *Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgarie*. Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1955.
- Радлов 1893–1911: В. В. Радлов. *Опыт словаря тюркских наречий*. Санктпетербург, Типография Императорской Академии Наук, 1893–1911.
- Редхаус 1974: Y. Redhouse. *Türkçe-İngilizce Sözlük*. Istanbul. Redhouse Yayınevi, 1974.
- Семенова 2010: Г. Н. Семенова. *Именные композиты как источник изучения культурно-языкового сознания народа. Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра*. Меж-

дународный симпозиум. Чебоксары, 2–4 ноября 2004. Чебоксары, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2010.

СИГТЯ 1984: *Сравнительно-историческая граматика тюркских языков. Фонетика.* (ред. Э. Р. Тенишев). Москва, Наука, 1984.

Славова 2010: Т. Славова. *Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспект.* София, ПАМ Пъблишинг Къмпани, 2010.

Симеонов 2008: Б. Симеонов. *Прабългарска ономастика.* Пловдив, Фондация Българско историческо наследство, 2008.

ССТМЯ 1975: *Сравнительный словарь тунгуско-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю.* Ленинград, Наука, 1975.

Тотев 1964: Т. Тотев. Сребърна чаша с надпис от Плиска. – В: *Известия на Археологическия институт*, Т. 27, 1964.

Федотов 1996: М. Р. Федотов. *Этимологический словарь чувашского языка.* Чебоксары, 1996.

Хауссиг 1958: H. W. Haussig. Die protobulgarische Fürstenliste, Hunnen in Osteuropa. – In: L. Bazin, G. Hazai. [Ed.]. *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Т. 3. *Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. History of the Turkic peoples in the pre-islamic period.* Baden-Baden, 1958.

Хелимский 2000: Е. Хелимский. Язык(и) аваров: тунгусоманьчжурский аспект. – *Folia Orientalia XXXVI*. Warszawa, Polska Akademia Nauk, 2000, 135–148.

ЭСТЯ 1974: Е. В. Севортян. *Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные).* Москва, 1974.

ЭСТЯ 1989: Л. С. Левитская. [Ред.] *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы „Ж“ „Ж“, „Й“.* Москва, 1989.

За реконструкцията на езика на дунавските българи на базата на чувашкия език

Анна Пажимиес (Варшава)

Статията представя етимологията на имената на прабългарските владетели Тервел, Севар, Винех и Савин, записани в Именника на българските князе и в други исторически извори. Етимологичните изводи се опират главно на общите фонетични, словообразователни и семантични особености на цитираните имена с техните лексикални съответствия преди всичко в чувашкия език, единственият жив представител на подгрупата на огурските (хуно-българските) езици, към която принадлежи прабългарският език. В този съпоставителен подход е взето под внимание историческото развитие на чувашкия език и неговите особености в сравнение с останалите езици от тюркското езиково семейство. Следваща методологична предпоставка е характерът на старотюркската антропонимична традиция, в която наблюдаваме честа смяна на личното име като резултат на възрастовите промени, както и в зависимост от семейната и обществена позиция на носителя. Изводите, направени на основата на етимологичните изследвания, са в повечето случаи потвърдени от историческите факти.

Ключови думи: прабългарски език, чувашки език, реконструкция, езикова конфронтация

e-mail: anna@parzymies.com